

В.И. Молодин, Д.В. Черемисин, Ю.Н. Ненахова, Д.А. Ненахов✉

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; nenaxoffsurgut@mail.ru

Необычный сюжет в петроглифах Хара Джамат Гола – охота на медведя (Монгольский Алтай)

Петроглифы, оставленные обитателями пояса гор и степей Евразии, весьма многочисленны. Среди основных тем – охота, война, оружие, колесный транспорт и многое другое. Но самым распространенным мотивом на протяжении тысячелетий было изображение диких животных. В статье анализируется редкий сюжет петроглифов Монгольского Алтая, обнаруженный в ходе экспедиционных исследований. При обследовании долины Хара Джамат Гол, на северо-западе Монголии у границы с Россией, на левом берегу реки в местности Саби-Салаа зафиксировано скопление петроглифов. На вертикальной сланцевой плите выбита многофигурная сцена охоты на медведей с собаками, преследующими и атакующими хищников. Охотники вооружены луками, а также палицами. По манере воспроизведения людей и животных данную композицию следует датировать бронзовым веком. В зоне гор и степей Евразии медведь в петроглифах представлен во много раз реже, чем другие животные (горные козлы, благородные олени, быки, лоси, кабаны, кошачьи хищники и волки), а взаимодействие медведя с человеком воспроизведено лишь на двух местонахождениях Монгольского Алтая. Этот редкий сюжет находит параллели в наскальном искусстве Фенноскандии. Также сцена охоты с собаками на медведя известна в Пегтымеле, самом северном пункте петроглифов Азии. Необычные сюжеты на скалах Саби-Салаа в Монгольском Алтае и в долине Цагаан-Гола отражают охотничью практику скотоводов Саяно-Алтайского региона в эпоху бронзы. Очевидно, что бурые медведи время от времени появлялись в высокогорных долинах Монгольского Алтая и становились объектом охоты местного населения.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, наскальное искусство, экспедиционные исследования, эпоха бронзы, сюжеты петроглифов, охота на медведя.

V.I. Molodin, D.V. Cheremisin, Yu.N. Nenakhova, D.A. Nenakhov✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; nenaxoffsurgut@mail.ru

Unusual Plot of Bear Hunt in the Petroglyphs of Khara Jamat Gol (Mongolian Altai)

The petroglyphs left by the inhabitants of the mountains and steppes of Eurasia are very numerous. The main subjects include hunting, warfare, weaponry, wheeled vehicles, and many more. For thousands of years, the most common subject was wild animals. The article presents a rare subject of petroglyphs from the Mongolian Altai. During the survey of the Khara Jamat Gol valley, accumulation of petroglyphs was found on the left bank of the river in the Sabi-Salaa area in the northwestern Mongolia near the Mongolian-Russian border. A multfigured composition of bear hunt with dogs chasing and attacking bears was pecked on a vertical slate slab. Hunters are armed with bows and clubs. The manner of rendering people and animals points to the Bronze Age as the time when this composition was created. In the mountains and steppes of Eurasia, bears were represented on the petroglyphs much less often than other animals, such as mountain goats, red deer, bulls, elks, wild boars, feline predators, and wolves). The interaction of bears and humans was reproduced only in two places in the Mongolian Altai. This rare subject finds parallels in the rock art of Fennoscandia. The composition of hunting bear with dogs is known from Pegtymel – the northernmost place of the Asian petroglyphs. Unusual subjects on the rocks of the Sabi Salaa in the Mongolian Altai and in the Tsagaan-Gol valley reflect the hunting practices of cattle breeders from the Sayan-Altai region in the Bronze Age. Obviously, brown bears would appear from time to time in high-mountain valleys of the Mongolian Altai and were hunted by the local population.

Keywords: Mongolian Altai, rock art, expedition research, the Bronze Age, petroglyph plots, bear hunting.

Общепризнанным подходом к изучению памятников наскального искусства является понимание его сюжетов и образов как источника информации об экологии, природном окружении и хозяйственном укладе создателей этих произведений. Петроглифы, оставленные обитателями пояса гор и степей Евразии на скалах Саяно-Алтая, Тянь-Шаня, Памира, Куньлуня и других горных массивов, весьма многочисленны, при том, что сюжеты наскального искусства ограничены. Среди основных тем, связанных с человеком – охота, преследование диких и культивирование домашних животных, война, оружие, колесный транспорт и т.д. Однако самым распространенным мотивом, без сомнения, для всей горно-степной зоны на протяжении тысячелетий было изображение диких животных. Для Саяно-Алтая наиболее часто изображаемыми персонажами являются горный козел, благородный олень-марал, бык, лось, гораздо реже архар, кабан и верблюд-дромадер. Изображения птиц и рыб еще менее распространены, а многие животные, безусловно, окружавшие обитателей горных долин Южной Сибири и Центральной Азии, не воспроизведены вовсе. Из хищников чаще других животных представлены волки. В сценах охоты нередко демонстрируются собаки – животное, domesticированное человеком одним из первых.

Еще одним персонажем наскального искусства, который по сравнению с другими животными изображался не часто, является медведь. В корпусе петроглифов Южной Сибири и Центральной Азии медведь представлен реже остальных хищников. Количество его изображений увеличивается в локусах, наиболее близких к тайге (Томская Писаница на Томи, Шалаболино, Тепсей, Усть-Туба, Оглахты на Енисее) и уменьшается в горно-степной зоне (см.: [Окладников, Мартынов, 1972; Пяткин, Мартынов, 1985; Шер, 1980; Repertoire..., 1994; 1995; Черемисин, 2000 и др.]).

В ходе совместных полевых исследований петроглифов Северо-Западной Монголии, осуществленных в 2019 г. коллективом археологов ИАЭТ СО РАН и Института археологии АН МНР [Молодин и др., 2021], наряду с повторяющимися практически на всех памятниках и скоплениях петроглифов персонажами, был встречен необычный сюжет, демонстрирующий охоту на медведей. Несколько композиций, в которых представлены сцены охоты, были обнаружены ранее в местности Саби-Салаа.

Нами было зафиксировано скопление петроглифов на скальном прижиме в месте впадения в р. Хара-Джамат Гол левого притока, небольшого руч. Хара Жамат Голын джун Салаа. Это одно из самых многочисленных скоплений рисунков в долине реки. Петроглифы – фигуры животных и людей –

нанесены как на скальные выходы загорелого сланца, так и на валуны, лежащие у их подножия. Сегодня здесь расположен большой зимник, можно предположить, учитывая, что наиболее удобные места для зимних стоянок были выбраны скотоводами с древнейших времен, что с такой стоянкой эпохи бронзы и связана большая концентрация наскальных изображений.

Одна из композиций, фиксируемая на памятнике, вызывает особый интерес (рис. 1, а, б). Это вполне законченная композиция и, хотя не все ее фигуры безукоризненно проработаны, и некоторые персонажи нельзя трактовать однозначно, тем не менее, перед нами сцена, передающая загонную охоту на медведей. Группа охотников из четырех человек окружила животных. Медведей гонят в одну сторону при помощи своры собак. Животные (и медведи, и собаки) почти все показаны в динамике. Медведи изображены один над другим. Наиболее хорошо проработано верхнее изображение зверя. Показаны четыре лапы, массивное туловище, короткий хвост, оскаленная пасть и ухо. Зверь убегает от трех собак, показанных также динамично с загнутыми, заброшенными на спину длинными хвостами. Медведя в холку поражает из лука охотник. Он слегка наклонился по направлению к зверю, что придает сцене известный динамизм. На поясе лучника – плохо идентифицируемый предмет, возможно, булава или характерный для антропоморфов эпохи бронзы атрибут – хвост [Кубарев, 1987].

Второй медведь – наибольший в композиции – показан несколько ниже и более условно. Его поза также динамична, но если голова с коротким ухом и две передние, выброшенные вперед лапы, трактованы реалистично, то задняя часть массивного туловища показана условно. Медведя преследует крупная собака с четырьмя переданными лапами, демонстрирующими движение. За собакой изображен второй охотник. Его корпус слегка развернут в анфас. Голова увенчана высоким плюмажем. Между ног показан половой признак. На поясе – висящая булава (или характерный предмет типа хвоста). За плечами охотника изображен какой-то предмет, однозначно не читаемый. За спиной человека находится еще одна собака с характерным, заброшенным за спину хвостом, в статичном положении.

Фигура третьего небольшого медведя изображена под наибольшим зверем. Животное также показано в динамике – две выброшенные вперед передние лапы явно демонстрируют движение. Под медвежонком – фигура еще одной крупной собаки, которая как бы завершает верхнюю часть композиции. Изображение профильное, динамичное. Длинный изогнутый хвост поднят высоко вверх.

Рис. 1. Многофигурная композиция, пункт Саби-Салаа (северо-западная Монголия). Охота на медведя: а – фото авторов, б – прорисовка авторов.

Небольшого медведя лицом к лицу встречает еще один лучник. Ноги его выглядят не вполне доработанными (либо охотник стреляет с колен). На голове лучника отчетливо показан плюмаж. К туловищу примыкает подтреугольный предмет (возможно колчан). Наиболее реалистично передан натянутый лук со стрелой, направленный в зверя.

Завершают композицию в нижней части две фигуры горных козлов, развернутых в противоположную сторону от медведей. Животные переданы статично. Первое животное небольшое, с трудом поддается идентификации. Зато второе передано реалистично. Массивное туловище увенчано рогатой головой с проработанными деталями (ухо, характерная борода). В нижней части композиции – еще одно изображение собаки с четырьмя лапами и длинным прямым хвостом, выбитое под фигурой козла. Данная фигура как будто позволяет рассмотреть сцену охоты на медведей и козлов как единую композицию. К тому же, в самом низу, вслед за собакой показана фигура человека, переданная в динамичной позе, с поднятой вверх булавой, явно нацеленной на движущихся навстречу козлов.

К сказанному необходимо добавить, что в противоположной от основной сцены части композиции изображено несколько незаконченных (либо

плохо проработанных) фигур или знаков, которые трудно как-либо интерпретировать.*

Также можно добавить, что в пространстве между животными и людьми прослеживаются следы многочисленных разреженных точечных ударов. Очевидно, в композиции переданы характерные моменты охоты на зверей с собаками, атакующими животных сзади и отвлекающими от охотников. В тоже время, наличие фигур козлов свидетельствует о том, что перед нами сцена масштабной загонной охоты, когда в загон попадали не только главные объекты гона, но и другие животные.

*Очевидно, эта же композиция была скопирована нашими предшественниками, участниками Российско-Монголо-Американской экспедиции. Она дважды опубликована, но по непонятной причине отнесена к другому памятнику, расположенному в долине р. Бага-Ойгур [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 363, № 874; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 373, № 949], что является очевидной ошибкой. Коллеги датировали эту сцену поздним бронзовым веком, определив сюжет как противостояние охотников нескольким медведям или волкам, наличие палиц в руках охотников соавторы оставляют под вопросом [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 122].

Наиболее близкой географически, а также с точки зрения содержания композиции, является сцена охоты на медведя и медведицу с двумя медвежатами в петроглифах горы Шивээт-Хайрхан у слияния рек Цагаан-Салаа и Хар-Салаа [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2006, p. 160, № 216–217; Кубарев, 2009, с. 105, № 216–217]. Очевидно, в виде двух фрагментов скопирована единая композиция, так как фигуры медведей столь похожи, что, по всей видимости, выполнены одной рукой (рис. 2, а, б). В одной части мы видим охотника, стреляющего из лука в медведицу, которую, как и ее двух маленьких медвежат преследует, выгоняя на охотника, собака. Рядом еще две фигуры – горного козла и оленя. В другой части показан медведь-самец, охотник с луком, целившийся в него, горный козел и еще одно животное, определение которого затруднительно.

Обе фигуры медведей реалистично отражают экстерьер животного – массивное туловище, короткая морда, торчащие уши, аналогичным образом у обоих животных показаны лапы. Охотники-лучники – один на полусогнутых ногах, другой на прямых – характерный образ в наскальном искусстве Монгольского и Российского Алтая эпохи бронзы. Воспроизведение палиц в композиции из Саби-Салаа в руках и на поясе охотников также известно в петроглифах Саяно-Алтайского региона эпохи

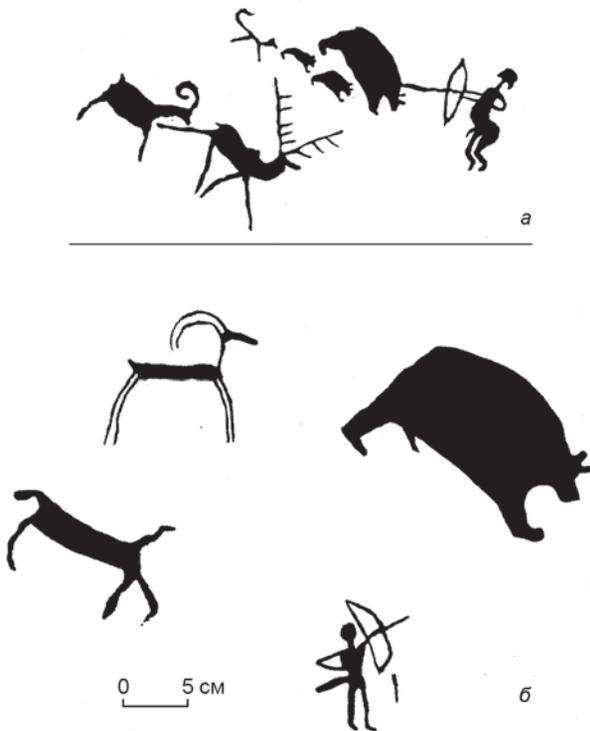

Рис. 2. Прорисовка композиций с охотой на медведя, пункт Хар-Салаа II (северо-западная Монголия) (по: [Кубарев, 2009, с. 105, рис. 216, 217]).

бронзы. Изображения других животных – горных козлов, оленя с раскинутыми в движении ногами, собак с закрученными хвостами – также характерны для петроглифов Алтае-Саянского региона бронзового века.

Что касается более отдаленных аналогий сюжету охоты на медведя в петроглифах Евразии, необходимо отметить наибольшее его распространение на севере Европы, в Фенноскандии (памятники Альта в Северной Норвегии, Немфорсен в Швеции, Залавруга в Карелии, Канозеро на Кольском полуострове, Бесов нос на Онеге и др.). При этом и здесь бурый медведь изображался не часто. Так, в петроглифах Финляндии, для которых есть полная статистика, медведь представлен только дважды, при том что фигур антропоморфов – 201, а лосей – 138 изображений [Myandash, 2000, p. 117]. Однако здесь известны чрезвычайно выразительные многофигурные сцены охоты на медведя.

В петроглифах Беломорья чаще всего представлена охота на медведя с копьем, которым охотник поражает зверя в горло, например, охотничья сцена на памятнике Бесов Нос [Myandash, 2000, p. 277, fig. 325]. Именно такая сцена изображена и на памятнике Канозеро – реалистично показаны две цепочки следов медведя и преследующего его охотника на лыжах. Оба персонажа совершили большой пробег, осуществили резкий поворот; показано, что охотник следует за зверем на лыжах. Затем, как совершенно очевидно следует из наскального повествования, охотник сбросил лыжи и поразил медведя копьем в горло [Жульников, 2006, с. 154, рис. 186].

В Альто несколько медведей, пять или шесть, окружены группой охотников с луками, но главный охотник вооружен огромным копьем. Медведи показаны вышедшими из берлоги, которая изображена в виде двух окружностей, причем из внешнего кольца есть выход, и именно оттуда начинаются цепочки медвежьих следов [Жульников, 2006, с. 155, рис. 187]. Эти сцены в деталях воспроизводят хорошо известные по этнографическим материалам способы традиционной охоты на медведя.

Как правило, охотники Севера Евразии добывали медведя зимой, поднимая его из берлоги с помощью копья (рогатины) или длинного двустороннего ножа, закрепленного на древке. Ханты охотились на медведя коллективно, охотники с копьями окружали берлогу, выгоняли зверя, первый удар стремились нанести в горло, полагая, что это самая быстрая смерть для животного, а в случае поражения в сердце медведь может прожить еще несколько минут, опасных для охотников. Тупой стороной копья ударяли медведя по подбородку, он поднимал голову и охотник вонзал острие в горло [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 23–24].

Индивидуальная охота на медведя считалась героическим деянием, легенды о котором передавались из поколения в поколение – именно такие сцены чаще представлены в петроглифах Северной Евразии, видимо, воплощая известный мифо-эпический сюжет о непревзойденном героеохотнике.

В петроглифах Пегтымеля на Чукотке, самого северного памятника наскального искусства Азии, также известен сюжет охоты на медведя с собаками [Диков, 1971, с. 124; Дэвлет, 2006, с. 24, рис. 8], однако трудно с уверенностью утверждать, воспроизведен белый или бурый медведь.

Таким образом, необычный, редкий сюжет на скалах Саби-Салаа в Монгольском Алтае, находящий ближайшую аналогию в соседней долине Цагаан-Гола и серию географически и культурно отдаленных сюжетных параллелей в наскальном искусстве Фенноскандии, отражает охотничью практику скотоводов Саяно-Алтайского региона в эпоху бронзы, а также фиксирует экологическую ситуацию. Очевидно, что бурые медведи наряду с другими хищниками время от времени появлялись в высокогорных долинах Монгольского Алтая и становились, наряду с другими дикими животными, объектом охоты местного населения.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 131 с.

Дэвлет Е.Г. Пегтымельская тетрадь. – М.: ИА РАН, 2006. – 64 с.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150–169.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск-Улан-Батор: Изд-во ИАЭТ СО РАН, Юджин, 2005. – 638 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. – Томск: ТГУ, 1977. – 226 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Батболд Н., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А. Новые петроглифы Монгольского Алтая: долина реки Хара-Джамат Гол // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, 18-20 августа 2021 г., Кемерово. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. – С. 207–213.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 296 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 192 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Черемисин Д.В. Изображение медведей в петроглифах Узунгура (Горный Алтай) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 19–22.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan Salaa / Baga Oigor. Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 6. – Paris, 2001. – 481p.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Haut Tsagaan Gol. Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 7. – Paris, 2006. – 444p.

Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. – Ed.: A. Kare. –Arctic Centre Foundation, Rovaniemi, 2000. – 289 p.

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 1: Sibirie du Sude 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). – Paris, Diffusion de Boccard, 1994. – 59 p.

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale sous la direction de Henri-Paul Francfort et Jacov A. Sher. Fasc. 2: Sibirie du Sude 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie). – Paris, Diffusion de Boccard, 1995. – 246 p.

References

Cheremisin D.V. Izobrazhenie medvedei v petroglifakh Uzungura (Gornyi Altai). In *Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SB RAS Publ., 2000. P. 19–22. (In Russ.).

Devlet E.G. Pegtymel'skaya tetrad'. Moscow: IA RAN, 2006, 64 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Naskal'nye zagadki drevnei Chukotki. Petroglify Pegtymelya. Moscow: Nauka, 1971, 131 p. (In Russ.).

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Haut Tsagaan Gol. In *Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 7*. Paris, 2006, 444 p.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan Salaa. In *Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 6*. Paris, 2001, 481 p.

Kubarev V.D. Kubarev V.D. Antropomorfnye khvostatye sushchestva Altaiskikh gor. In *Antropomorfnye izobrazheniya. Pervobytnoe iskusstvo*. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 150–169. (In Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveet-Khairkhana (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 420 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tsehvehehdorz h D., Yakobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk-Ulan-Bator: IAET SB RAS Publ., Yudzhin, 2005. 638 p. (In Russ.).

Kulemzin V.M., Lukina N.V. Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX vv. Etnograficheskie ocherki. Tomsk: TSU Press., 1977, 226 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Batbold N., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A. Novye petroglify Mongol'skogo Altaya: dolina reki Khara-Dzhamat Gol. In *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 18-20 avgusta 2021 g., Kemerovo*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021. P. 207–213. (In Russ.).

Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. Arctic Centre Foundation, Rovaniemi, 2000, 289 p.

Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha Tomskikh pisanits. Naskal'nye risunki epokhi neolita i bronzy. Moscow: Iskusstvo, 1972, 296 p. (In Russ.).

Pyatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinskie petroglify. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Press., 1985, 192 p. (In Russ.).

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale sous la direction de Henri-Paul Francfort et Jacov A. Sher. Fasc. 2: Sibirie du Sude 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie). Paris, Diffusion de Boccard, 1995, 246 p.

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 1: Sibirie du Sude 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). Paris, Diffusion de Boccard, 1994, 59 p.

Sher Ya.A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (In Russ.).

Zhul'nikov A.M. Petroglify Karelii. Obraz mira i miry obrazov. Petrozavodsk: Skandinaviya, 2006, p. (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Черемисин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>

Ненахова Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

Ненахов Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>